

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВОЛНИКИ ЖЕНЩИН

*Браки совершаются
на небесах*

Елена Арсеньева
Бешеная черкешенка
(Мария Темрюковна
и Иван IV Грозный)

Серия «Браки совершаются на небесах»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138610
Браки совершаются на небесах: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04590-2*

Аннотация

Говорят, что браки совершаются на небесах! Но разве это относится к венценосным женихам и невестам, которые познакомились лишь накануне венчания? Их, государей и правителей больших и маленьких стран, ждала всенародная любовь и поклонение. Но права на свою собственную любовь они не имели... Приходилось обзаводиться тайными и официальными фаворитами, появляясь со своей `второй половиной` лишь на официальных приемах. Но иногда повенчанные царственные персоны влюблялись друг в друга, и тогда их союз становился поэтическим преданием, счастливой сказкой. Королева Франции Анна Ярославна и ее муж Генрих I, Мария Темрюковна и Иван Грозный, Екатерина II и Петр III – об этих и других историях

любви и ненависти рассказывают исторические новеллы Елены Арсеньевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

5

14

Елена Арсеньева

Бешеная черкешенка (Мария Темрюковна и Иван IV Грозный)

В тот сухой октябрьский день выехали на большую соколиную охоту. Царь Иван Васильевич Грозный¹ был в золоченом терлике², в котором его поджарая фигура смотрелась особенно привлекательно. Он и сам напоминал хищную птицу, да и чувствовал он себя по-соколиному легко и свободно. Как-то вдруг все отошло-отлетело: и незабываемая потеря возлюбленной жены Анастасии, и надоедливые приставания бояр: жениться-де сызнова надобно, и предательство бывших друзей, Андрея Курбского и Алексея Адашева, непорядки на литовской границе. Все забылось – осталось лишь это просторное поле, свист ветра, багряные рощицы вдали,

¹ Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584) – великий князь всея Руси, венчался на царство в 1547 г. Сын Василия III и Елены Глинской. Ввел опричнину. Проводил жестокую борьбу с боярством. При Иване Грозном значительно расширились границы централизованного Русского государства.

² Легкий приталенный кафтан с короткими рукавами.

веселый людской гомон, нетерпеливая собачья разноголосица да нахохлившиеся под своими колпачками-клубучками соколы.

На одного из таких соколов и косился беспрестанно Иван Васильевич со смешанным чувством восхищения и досады. Это был белый кречет, одна из лучших ловчих птиц. Кречета держал на рукавице сокольник недавно появившегося при дворе князя Темрюка Черкасского. Сокольник был совсем еще мальчишка, юнец безусый, сидевший на белом же скакуне и сам являвший собой зрелище не менее великолепное, чем редкостный кречет. Черты юного лица, чудилось, проведены резцом по слоновой кости.

Стремя в стремя с этим юнцом ехал единственный сын Темрюка, Салтанкул, недавно перекрестившийся в Михаила.

Гости начали поглядывать на царя с нетерпением. Пора начинать охоту!

Иван Васильевич благосклонно улыбнулся Черкасскому: – Ну что, Темрюк Айдарович, пускай своего красавца!

Донельзя польщенный таким предпочтением, князь поклонился царю, приложив руку к сердцу, но не ломая косматой шапки (и он, и вся его свита постоянно были, по их обычаю, с покрытыми головами), и что-то быстро приказал красавцу-сокольнику. Тот сверкнул ответной улыбкой, привычным движением распутал связанные лапки птицы и сдернул яркий клубочок.

– Айда! – Мальчишка вскинул руку так резко, что на какое-то мгновение всем почудилось, будто он вылетит из седла вслед за подброшенным вверх кречетом, который стремительно взмыл, в одно мгновение превратившись в маленькое, почти неразличимое пятнышко.

Царь свистнул – и тотчас началось...

Заливисто лая и размахивая пушистыми хвостами, борзые расстелились по полю, опоясали рощицу, гоня затаившихся зайцев. Трещали трещотки, били барабаны, гудели горны, и свистели дудки. Шум стоял невероятный!

Иван Васильевич, заразившийся общим азартом, бросил случайный взгляд на пригожего сокольника – и ахнул. Видимо, мальчишка наклонился поднять упавшую плеть, а конь испугался рева труб – и понес висящего на седле боком всадника.

Не думая, что делает, Иван Васильевич с силой ударил пятками своего вороного и погнал следом.

Тем временем сокольник, обладавший, как и положено черкесу, невероятным мастерством наездника, сумел-таки забросить тело в седло, вцепился в поводья двумя руками и натягивал их изо всех сил, заламывая голову скакуна, осаживая его на задние ноги и направляя к деревьям. Тут конь невольно сбавил скорость, и сокольник чуть не на скаку соскользнул на землю. Споткнулся, с трудом устояв на ногах, и сильно огрел коня кулаком по носу. Потом сокольник проворно обмотал повод вокруг ближней березки, прикрутив

морду коня почти вплотную к стволу, и, выхватив из-за пояса длинную плеть, с размаху ударил скакуна по голове. И другой раз, и третий, и снова...

Бока коня уже были покрыты кровавыми полосами, один глаз затекал кровью, а маленький черкес прыгал вокруг, как бес, с непостижимой ловкостью уворачиваясь от копыт, и продолжал наносить удар за ударом, что-то бессвязно крича.

Кровь ударила царю в голову! Спешился, набежал на мальчишку сзади и, рывком обернув к себе лицом, с силой вытянул дикаря хлыстом.

Мальчишка рухнул на колени, перегибаясь назад и закидывая голову, да так и замер в странной, изломанной позе.

Застучали рядом копыта. Царь обернулся – и едва успел отпрянуть, чтобы бешено несущийся всадник не стоптал его конем. Это был Салтанкул Черкасский.

Словно не видя государя, спрыгнул с седла и припал к обеспамятевшему сокольнику. Подхватил его под тонкий стан, попытался поставить на ноги, суматошно выкрикивая:

– Кученей! Кученей! Очнись!

«Кученей? Что такое? – изумился царь. – Имя? Но ведь это женское имя! Нет, быть того не может!»

Ноги сокольника подламывались, руки висли, голова запрокидывалась. И вдруг косматая шапка соскользнула, а из нее... Иван Васильевич даже отпрянул испуганно: почудилось, клубок черных змей из той шапки вывалился. Но нет – это поползли, змеясь, черные скользкие косы. Девичьи косы.

Девка? Эти черкесы выдавали за сокольника девку?!

Ярость на собственную глупость, на наглость этих дикарей, посмевших глумиться над хозяином – да над кем, над самим государем, оказавшим им честь, пригласившим на царскую охоту! – лишила Ивана Васильевича разума. Сцепив кулаки, он обрушил такой удар на затылок Салтанкула, что и потом, спустя много времени, дивился, как это не перешиб шею будущему шурину. Но крепка оказалась черкесская башка: Темрюкович только крикнул – и сунулся носом в землю, уронив девку.

Царь подскочил к ней и, все еще не веря, разорвал на груди бешмет и шелковую, под горло сорочку.

Ох ты, как ударило по глазам, какие белые голуби выпорхнули на волю, ранее туго сдавленные одеждой! Бросилась в глаза родинка под левой грудью, большая, выпуклая, похожая на третий сосок.

Так вот почему Салтанкул беспрестанно льнул к этому «сокольнику». Он притащил на царскую охоту свою любовницу!

Возмущенный государь нашарил в траве ту же плеть, которой эта тварь терзала коня, и от всей души опоясал тонким кровавым следом ее тело.

Девка выгнулась дугой, испустила хриплый крик и открыла глаза. Ни следа от тумана беспамятства! Этот взгляд ожег Ивана Васильевича, и какое-то мгновение он стоял недвижимо, не веря тому, что прочел в этих раскосых черных очах.

Не страх, не ненависть. Отчаянный призыв и страсть!

Испугавшись чего-то, он снова ударил – на сей раз слабее, потому что руки не слушались. Девка взвилась, будто змея, ставшая на хвост, и так же, по-змеиному, обвилась вокруг царя всем телом. Он выронил плеть, стиснул ее – даже захрустели косточки стройного тела! Впился в губы. Холодные, тугие, они отвечали так, что у царя подкашивались ноги. Чудилось, в жизни не бушевало в груди такого темного, мрачного пламени, как сейчас, когда полуголое, избитое тело льнуло к нему!

Иван Васильевич повалил ее, рухнул сверху и попытался растолкать ноги коленями, однако Кученей вдруг начала сопротивляться, и сопротивлялась люто – стискивала зубы, вывертывалась, шипела и царапалась, будто дикая кошка. Но где ей было противостоять разохотившемуся, распаленному мужчине! Навалился, прижал к земле, уже, считай, одолел, как вдруг она гибко вытянула руку и вцепилась в его же собственный отброшенный кинжал. Прижала в своему горлу, лицо вмиг стало строгим, отрешенным:

– Пусти, не то зарежусь!

Голос звучал так по-девчоночьи отчаянно, русские слова выговаривались так смешно, что у Ивана Васильевича мгновенно остыло все в теле. Он ей почему-то поверил, поверил сразу. Зарежется, как Бог свят, зарежется!

Поднялся на ноги. Она тотчас вскочила, ожгла огненным взглядом – и кинулась к Салтанкулу. Затрясла, затормошила.

Иван Васильевич думал, она пытается привести княжича в сознание, однако Кученей просто вытряхнула бесчувственное тело из бешмета и торопливо напялила его, скрыв свои лохмотья.

Иван Васильевич перевел взгляд с ее лица на лицо беспамятного Темрюковича и спросил, уже почти уверенный в ответе:

– Он тебе кто?

– Брат родной.

– Видать, крепко брат тебя любит?.. – спросил с подначкою, но в ее точеном лице ничто не дрогнуло.

– У нас все братья сестер любят крепко, глаз с них не сводят, не дают в обиду.

– А ты, значит, дочка князя Темрюка?

Она кивнула, глядя исподлобья.

– А знаешь, кто я?

Кученей ничего не ответила, только вскинула пренебрежительно брови:

– Я ведь только женщина. Ничего не знаю.

Государь усмехнулся. А ведь с этой девчонкой не соскучишься! И какая красота, Боже, ну какая же чудная, неопи-сваемая красота...

– Тебе с косами больше пристало, чем в шапке, – буркнул он, смущаясь вновь проснувшегося желания. Вот же ведьма, околдовала она его своими холодными, скользкими губами, что ли?!

Девушка потупилась. Так они стояли какое-то время друг против друга, не зная, что делать и что говорить. Потом Кученей подобрала с травы свою косматую шапку, встряхнула ее и нахлобучила, заботливо скрыв под ней косы. Подошла к коню брата и вскочила в седло, не заботясь более ни о своем привязанном, избитом белом скакуне, ни о Салтанкуле, который начинал слабо постанывать – приходил в себя.

Иван Васильевич смотрел на нее, вдруг ощутив себя брошенным, одиноким ребенком. Страшно не хотелось, чтобы она вот так, просто повернулась – и уехала, исчезла!

Девушка словно нарочно на него не глядела – подняв голову, напряженно всматривалась в небо. И вдруг с радостным горловым кличем: «Кагаз!» – вскинула руку.

«Кагаз» значит «вернись», это слово Иван Васильевич знал: слышал, как сокольники черкесские подзывают своих ловчих птиц. Он уже устал нынче удивляться и только головой покачал, когда с неба пал белый кречет и осторожно опустился на протянутую руку Кученей.

* * *

Когда государь объявил о своем решении взять в жены дочь Темрюка Черкасского, княжну Кученей, иные бояре чуть ли не за кинжалы хватались, чтобы тут же, на царском дворе, горло себе от великого позора перерезать. «Вновь Орда на нас грядет!» – кричали старики. Нет, что и говорить,

в давние-предавние времена брали киевские князья за себя половецких красавиц, если не находилось невест заморских. Матушка самого Юрия Долгорукого была половчанка. Однако чужестранные невесты были нужны русским князьям зачем? Чтобы не было браков меж близкой родней, чтобы не хирело потомство государей русских. Последней чужеземкой-царицей была бабка нынешнего царя, Софья Фоминишна Палеолог – византийская царевна. Правда, в его матери Елене Глинской тоже играла малость чужой крови, но ведь Глинские давно покинули Литву, обрусеть успели. И первую жену, Анастасию, царь взял себе из родовитой русской фамилии Захарьиных. Но уроженок Кавказа никогда среди княжеских жен не велось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.